

Александрова Т. Л. Жанровое своеобразие поэмы императрицы Евдокии «О св. Киприане» / Т. Л. Александрова // Научный диалог. — 2018. — № 6. — С. 58—68. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-6-58-68.

Aleksandrova, T. L. (2018). Genre Nature of Empress Eudocia's Poem "The Martyrdom of St. Cyprian". *Nauchnyy dialog*, 6: 58-68. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-6-58-68. (In Russ.).



УДК 821.14'02

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-6-58-68

Жанровое своеобразие поэмы императрицы Евдокии «О св. Киприане»

© Александрова Татьяна Львовна (2018), orcid.org/0000-0002-6963-2263, кандидат филологических наук, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва, Россия), tatianaalexandrova@yandex.ru.

Рассматривается вопрос жанрового своеобразия поэмы «О св. Киприане», принадлежащей перу императрицы Евдокии, супруги императора Феодосия II (V в.). Отмечается, что это единственный сохранившийся образец написанного гекзаметром греческого жития, который с жанровой точки зрения может рассматриваться и как житие, и как эпическая поэма. Показано, что поэма «О св. Киприане» является также парафразом прозаической версии мученичества Киприана и Иустины, однако этим жанровое своеобразие поэмы не исчерпывается. Автор доказывает, что в ней присутствуют элементы аретологии, романа, автобиографии, агадического мидраша; в ее состав входят также гимны. Отмечается, что в поэме можно увидеть все признаки «смешения жанров», характерного для позднеантичной и византийской литературы. Новизна исследования состоит в том, что в нем впервые рассматриваются жанровые характеристики поэмы. Особое внимание уделяется влиянию на поэму Евдокии эпоса Нонна, в котором также присутствуют различные жанровые формы, в частности, гимны, и который также испытал влияние античного романа. Автор приходит к выводу, что черты «смешения жанров» при сохранении вполне устойчивых жанровых канонов предопределили дальнейшее развитие византийской литературы.

Ключевые слова: императрица Евдокия; поэма «О св. Киприане»; жанр; смешение жанров; позднеантичная литература; византийская литература.

1. Изменения в структуре жанра в позднеантичной литературе

Проблема определения жанровой принадлежности позднеантичных литературных произведений традиционно представляет значительную

сложность, потому что в литературе, как и в языке этого периода, происходят не всегда бросающиеся в глаза (в силу господства архаизаторских тенденций), но существенные изменения, своего рода тектонические сдвиги, в результате которых классические определения родов и жанров литературы, восходящие к Платону и Аристотелю, к этим сочинениям уже не подходят. В настоящее время исследователи говорят уже даже не об «исторической подвижности категории жанра» [Аверинцев, 1986], но о «смещении жанров» (Genre Bending) [Attridge, 2003, Usacheva, 2018] или о «жанровой игре» (the Play of Genre) [Lazek, 2016] как о характерной особенности позднеантичной литературы. Предметом данной статьи является жанровое своеобразие одного из таких неоднородных произведений — поэмы «О св. Киприане», принадлежащей перу супруги императора Феодосия II, императрицы Евдокии (V в.).

2. Жанровые характеристики поэмы «О св. Киприане»

Поэма «О св. Киприане» — единственное дошедшее до нас греческое житие, написанное гекзаметром [Witby, 2013, p. 207]. Однако нельзя исключить, что были и другие подобные образцы. Так, у патриарха Фотия упоминается стихотворное переложение «Деяний Павла и Феклы», созданное Василием Селевкийским (Phot. Bibl. Cod. 168. 116b.). В то же время широкого распространения такого рода произведения скорее всего не получали, так как позднеантичный эпос, создаваемый на искусственном языке, вдохновленном гомеровским диалектом, заведомо был рассчитан на узкий круг ценителей литературы. Создание таких произведений, с тщательным отбором лексики, было процессом трудоемким и доступным лишь тем, кто прошел полный курс обучения. Поэтическое творчество в поздней античности требовало скорее выучки, нежели вдохновения, это была «поэтика, поставившая себя под знак риторики» [Аверинцев, 1981, с. 8] — эту особенность можно лишь констатировать, воздерживаясь от навязывания эпохе эстетических критериев более позднего времени.

Итак, поэма «О св. Киприане» может рассматриваться как эпическое произведение с точки зрения формы, поскольку она написана гекзаметром, и как житие с точки зрения содержания, поскольку содержит рассказ об обращении и последующем мученичестве святых Киприана и Иустины (Иусты). Но, если не считать содержательной христианской специфики, в этом она вполне подходила бы под категорию исторического или дидактического эпоса, описанного Аристотелем: «Только соединяя с названием метра слово “творить”, называют одних творцами элегий, других творцами эпоса, давая авторам названия не по сущности их творчества, а по общ-

ности их метра. И если кто издаст какое-нибудь сочинение по медицине или по физике в метрах, то обыкновенно называют его поэтом. Но у Гомера нет ничего общего с Эмпедоклом кроме стиха, почему одного справедливо назвать поэтом, а другого скорее натуралистом, чем поэтом» [Arist. Poet., 1. — цит. по: Аристотель, 1998, с. 1065]. Если смотреть на житие как на сочинение историческое или назидательное, то этим жанровые характеристики исчерпывались бы, но, поскольку в определении жанров внелитературная функция тоже может быть решающей [Аверинцев, 1986, с. 105], христианское содержание невозможно проигнорировать, и, таким образом, смешение жанров (эпос / житие) определяется при первой попытке установить жанровую «таксономию» [Frow, 2015, p. 57—63] поэмы «О св. Киприане».

Однако поэма — произведение намного более сложное.

По характеру создания это парафраз, поскольку в основе повествования лежит уже бытовавшее житие, повествующее о маге Киприане и христианской девственнице, которую он пытался околдовать, но в итоге потерпел поражение, сам обратился в христианство и вместе со своей несостоявшейся жертвой принял мученический венец. Древнейшая версия этого жития — его пересказ в 24-м слове Григория Богослова; кроме того, она упоминается в одном из стихотворений Пруденция (Prud. Perist, 13) [Александрова, 2018а, с. 299]. И у Григория Богослова, и у Пруденция сам сюжет относится не к Киприану Антиохийскому, а к Киприану Карфагенскому, хотя никаких совпадений с реальной биографией сщмч. Киприана Карфагенского сюжет о колдуне и девственнице не имеет, а герой рассматриваемого нами жития, Киприан Антиохийский, скорее всего, является вымышленным лицом.

Жанр парафраза был широко распространен в христианской литературе, однако в основном делались парафразы библейских книг (сводное Евангелие Ювенка, «Пасхальная песнь» Седулия, Метафраза псалмов, Парафраз Евангелия от Иоанна, написанный Нонном; известные по упоминаниям у Фотия парафразы библейских книг, выполненные самой Евдокией, и т. д. [Александрова, 2018а, 286—288]). Популярность этого жанра опять-таки была связана с практикой школьного обучения: переложение прозы в стихи или стихов в прозу было обычным школьным упражнением; в учебных парафразах широко использовались такие школьные риторические приемы, как амплификация, экфрасис, этопея. Эти приемы используются и в поэме Евдокии. Однако проблема заключается в том, какой вариант жития она перелагает в стихи и, соответственно, каков ее вклад в развитие агиографического сюжета.

3. Вопрос происхождения поэмы «О св. Киприане» и ее композиционное и жанровое своеобразие

До нас дошли многочисленные прозаические версии жития Киприана и Иустины, среди которых есть и очень близкие к поэме, и более отдаленные (как, например, метафрастовская обработка жития Киприана и Иустины). Т. Цан считал, что образцом для Евдокии стал текст, дошедший до нас в парижской рукописи X в., gr. 1468, где, как и у Евдокии, текст состоял из трех частей [Zahn, 1882]. Впоследствии Л. Радермахер пришел к выводу, что части жития бытовали независимо друг от друга [Rademacher, 1927]. К. Бевеньи считал, что Евдокия использовала не дошедшие до нас краткие редакции [Bevegni, 1982, p. 254]. Б. Сауэрс предположил, что она соединила разные части или даже разнородные фрагменты частей [Sowers, 2008, p. 246].

Поскольку житие Киприана бытует на разных языках, вопрос едва ли может быть решен окончательно без привлечения абсолютно всех списков; однако такое исследование в наши задачи не входит. На наш взгляд, поэма могла быть первична, а прозаические жития могли быть учебными парафразами текста Евдокии. Поскольку императрица покровительствовала образованию как в Константинополе, так и в Иерусалиме, ее сочинение могло быть предложено учащимся для парафраза [Александрова, 2018, с. 313]. Изучение жанровой природы поэмы, возможно, способно пролить свет и на этот вопрос.

Композиционно поэма состоит из трех частей: *Conversio*, *Confessio* и *Martyrium*. До нас практически полностью дошли *Conversio* и значительная часть *Confessio*, содержание *Martyrium* известно в пересказе патриарха Фотия. По содержанию *Conversio* и *Confessio* во многом дублируют друг друга, поскольку оба содержат рассказ о попытке мага Киприана обольстить христианку Иусту. Насколько можно понять, *Conversio* и *Martyrium* — вполне обычные жития, построенные по уже сложившемуся к V веку канону, *Confessio* же имеет более сложную жанровую природу. Впрочем, и *Conversio* содержит романический оборот, возможно, отсутствовавший в пересказе Григория Богослова: новеллистическую вставку о неразделенной любви к девственнице Иусте юноши Аглаида.

Что же касается сюжета с Аглаидом, он, по-видимому, возник под влиянием «Деяний Павла и Феклы», где присутствует сходный сюжетный поворот с влюбленным в Феклу Фамиридом, представляющий собой христианскую версию распространенного в античной литературе топоса «неприступной девственницы». Как бы то ни было, влияние античного романа, прямое или опосредованное, здесь несомненно.

Вторая часть поэмы — *Confessio* — имеет форму, характерную скорее не для житий, а для романов: повествование идет от первого лица (от лица Киприана). Для житий такой прием в целом нехарактерен, однако из христианской литературы для сравнения можно привести частично написанное от первого лица «Мученичество Перпетуи и Фелицитаты», а также роман «Псевдо-Климентины». Такой способ изложения опять-таки свидетельствует о влиянии романа (ср. роман Ахилла Татия «Левкиппа и Клитофонт»). Григорий Богослов в 24-м слове говорит, что Киприан оставил повествование, в котором осуждает свою жизнь. На основании этих слов считают, что прозаическая версия *Confessio* была известна уже Григорию. Однако, поскольку, как было сказано, Григорий имел в виду Киприана Карфагенского, речь может идти о его «Послании к Донату», в котором он говорит о том, что до обращения его жизнь была погружена во мрак, — никак, однако, не поясняя, что имеется в виду. Тем не менее само упоминание Григорием некоей «исповеди» Киприана могло стать поводом для создания *Confessio*. В нем чувствуется также влияние жанра античных аретологий (особенно ямвлиховской «Жизни Пифагора»). Повествование от первого лица, возможно, указывает также на знакомство автора с такими произведениями, как поэма Григория Богослова «О своей жизни» и «Исповедь» Августина [Александрова, 2018а, с. 295—301].

Поскольку традиционно считалось, что парафраз Евдокии сделан с близкого по тексту прозаического жития, творческое участие самой поэтессы сводилось к переложению этого готового варианта на язык эпоса, сама же композиция принадлежит неизвестному автору исходного жития. Среди рукописей прозаических житий есть одна, в которой все три части уже собраны воедино — изначально именно она рассматривалась как первичный текст. Позднее исследователи пришли к мысли, что Евдокия сама соединила разрозненные варианты житий [Sowers, 2008, p. 246].

4. Жанровое своеобразие поэмы «О св. Киприане» и влияние поэзии Нонна

Тем не менее, как кажется, есть аргументы в пользу того, что роль Евдокии не исчерпывается механическим соединением разрозненных фрагментов и переложением их на язык эпоса. Вполне возможно, что жанровая специфика поэмы в значительной мере обусловлена влиянием поэтического образца, а именно — поэмы Нонна «Деяния Диониса».

О том, что Евдокия была знакома с творчеством Нонна, свидетельствуют уникальные совпадения в тексте поэмы «О св. Киприане» с обоими сочинениями Нонна [Александрова, 2018б]. Соответственно, влияния Нонна

можно ожидать не только на уровне лексических заимствований. Ориентация на нонновские принципы усматривается и в жанровых особенностях поэмы. «Деяния Диониса», являясь грандиозной поэмой, написанной в традиции эпического жанра, несут в себе те же элементы «смешения жанров»: в них чувствуется влияние античного романа [Miguélez-Cavero, 2016]; вычленяются и более мелкие жанровые формы — например, пассажи, тяготеющие к эпиграмматической, буколической, гимнической поэзии [Lazek, 2016, pp. 404—405].

О влиянии романа на поэму Евдокии уже было сказано. Есть в ней и гимны — это молитвы, которые Иуста возносит к Богу:

*Ночью глубокой, покинувши ложе, к Тебе я взываю,
И прегрешенья свои Тебе исповедую, Славный,
На милосердьё Твое и на правый Твой суд уповая.
Ты, о Податель щедрот, — Хранитель земных поколений, 115
Высей эфирных Законоположник и неба Правитель,
Вся пред Тобою трепещет земля. Ты праведным гневом
Боготворных низверг. Авраама-родителя жертву
Ты благосклонно приял, всесожженья великого в славу,
Вида низринул и змия ужасного смерти Ты предал. 120
И чрез служителя Ты Своего, Даниила-пророка,
Персов народу открыл природы божественной тайну;
Ты чрез любимого Сына, Христа, все в мире устроил,
Благоукрасил и светоч небес вознес над землею.
Ты и умерших на свет извел из недр преисподней. 125
Я умоляю, Властитель: спаси же меня от напастей,
Тело мое соблюди, о Властитель, вовек непорочным,
Девства лампаду мою сохрани, чтоб вечно горела,
Дабы узреть Жениха и войти мне в чертог Его брачный,
Дабы исполнить обеты, какие Христу принесла я, 130
Ибо Ему подобает и слава, и честь, и держава [Евдокия Августа,
2016, с. 106—107].*

Это, в сущности, самостоятельный гимн, который при желании мог бы использоваться и вне контекста поэмы в молитвенной практике. В *Conversio* есть и еще один такой же самостоятельный гимн, содержащий похвалу девству (*Eudoc. Сурр. 1*, 112—130).

Наличие второй части, *Confessio*, в которой история Киприана излагается устами самого Киприана, в точности соответствует нонновским

принципам пойкилии («пестроты») и антитипии («отражения») [Захарова и др., 2003, с. 19—60]. В *Confessio* повествования о Киприане и о попытке обольстить Иусту распространяют и разукрашивают сюжет, уже известный по *Conversio*, эта «пестрота» и «антитипичность» создают иной, хотя и близкий, образ, причем рассказ в *Confessio* не дублирует повествования *Conversio*. Так, в *Conversio* излагается предыстория Иусты с ее обращением ко Христу. В *Confessio* дается предыстория Киприана. Попытки Киприана околдовать Иусту, присутствующие в обеих частях, подаются совершенно по-разному. В *Conversio* говорится о домогательствах Аглаида и отпоре Иусты, а затем следует три сходных эпизода с вызыванием бесов, их воздействием на Иусту и ее конечной победой. Разговоры с бесами, в свою очередь, заимствованы их апокрифического «Завещания Соломона», с жанровой точки зрения представляющего собой агадический мидраш. После того, как попытки околдовать Иусту терпят крах, рассказывается о споре Киприана с бесом и его приходе в церковь.

В *Confessio* Киприан подробно рассказывает о своей жизни, обучении колдовским наукам и общении с темными силами. Эпизод с Аглаидом подается только в той части, в какой он мог быть известен Киприану. Вызывание беса-Велиара в *Confessio* только одно, зато рассказывается о действиях, о которых ничего не было сказано в *Conversio*: о превращении Аглаида в птицу, о влюбленности в Иустину самого Киприана, о его финальном поединке с бесом. Создается впечатление, что здесь не просто соединены две редакции жития, но что оба повествования, по крайней мере, тщательно выверены, чтобы создать эту объемную картину, созерцаемую с разных «видовых точек». Однако нельзя исключить и то, что *Confessio* создано самой Евдокией как «антитип» *Conversio* по примеру Нонна.

Для сравнения можно привести эпизод с похищением Европы в «Деяниях Диониса», в котором изображение дробится и сюжет преломляется в нескольких ракурсах: авторское повествование (Nonn. Dion. 1, 47—57), взгляды зрителей-богов (Nonn. Dion. 1, 57—90), прямая речь зрителя-морехода (Nonn. Dion. 1, 93—124), прямая речь самой Европы (Nonn. Dion. 1, 128—136).

5. Выводы

Таким образом, поэма «О св. Киприане» отражает попытку создать произведение христианской литературы, обладающее всеми характеристиками позднеантичного эпоса. В рамках эпического жанрового канона в ней присутствует смешение жанров: жития, аретологии, романа, автобиографии, гимна, агадического мидраша.

Итак, двойной рассказ о Киприане и Иусте у Евдокии вполне может быть не механическим воспроизведением двух житийных версий, а воплощением особого авторского замысла в соответствии с эстетическими установками эпохи. В целом поэма «О св. Киприане» представляет собой сложный жанровый конгломерат, весьма характерный для своей эпохи, ознаменованной, с одной стороны, привязанностью к великому наследию античности, с другой — поиском новых форм, способных вместить новое христианское содержание. Подобные эксперименты предопределили последующий почти тысячелетний путь развития византийской литературы.

Принятые сокращения

Arist. Poet. — Aristoteles. Poetica.
Eudoc. Cypr. — Eudocia Augusta.
Nonn. Dion. — Nonnus. Dionysiaca.
Phot. Bibl. Cod. — Photius. Bibliotheca. Codex.
Prud. Perist. — Prudentius. Peristephanon.

Источники

1. *Аристотель*. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории / Аристотель. — Минск : Литература, 1998. — 1112 с.
2. *Евдокия Августа*. О св. Киприане / Евдокия Августа ; вступ. ст. и пер. Т. Л. Александровой // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3. Выпуск 2 (47). — 2016. — С. 93—133.
3. *Eudociae Augustae*. Claudiani carminum graecorum reliquiae / Eudociae Augustae. — // Eudociae Augustae. Claudiani carminum graecorum reliquiae. Accedunt Blemyomachiae fragmenta / Eudociae Augustae, Procli Lycii ; ed. A. Ludwig. — Leipzig : Teubneri, 1897. — S. 11—79.

Литература

1. *Аверинцев С. С.* Древнегреческая поэтика и мировая литература / С. С. Аверинцев // Поэтика древнегреческой литературы. — Москва : Наука, 1981. — С. 3—14.
2. *Аверинцев С. С.* Историческая подвижность категории жанра : опыт периодизации / С. С. Аверинцев // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. — Москва : Наука, 1986. — С. 104—116.
3. *Александрова Т. Л.* Византийская императрица Афинаида-Евдокия : жизнь и творчество в контексте эпохи правления императора Феодосия II (401—450) / Т. Л. Александрова. — Санкт-Петербург : Алетей, 2018а. — 416 с.
4. *Александрова Т. Л.* Императрица Евдокия — читательница Нонна Панополитанского? / Т. Л. Александрова // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3. Выпуск 55 (2). — 2018б. — С. 9—19.

5. *Захарова А. В.* Глобус звездного неба : поэтическая мастерская Нонна Панополитанского / А. В. Захарова, Д. О. Торшилов. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2003. — 376 с.
6. *Attridge H. W.* Genre Bending in the Fourth Gospel / H. W. Attridge // *Journal of Biblical Literature*. — 2002. — Vol. 121. № 1. — Pp. 3—21.
7. *Bevegni C.* Eudociae Augustae Martyrium S. Cypriani I 1—99 / C. Bevegni // *Prometheus*. — 1982. — № 8 (3). — Pp. 249—262.
8. *Frow J.* Genre. The new critical idiom / J. Frow. — London-New York : Routledge, 2015. — 194 p.
9. *Lazek A. M.* Nonnus and the play of genre / A. M. Lazek // *Brill's Companion to Nonnus of Panopolis* / ed. D. Accorinti. — Leiden-Boston, 2016. — Pp. 402—421.
10. *Miguélez-Cavero L.* Nonnus and the novel / L. Miguélez-Cavero // *Brill's Companion to Nonnus of Panopolis* / ed. D. Accorinti. — Leiden-Boston, 2016. — Pp. 549—576.
11. *Radermacher L.* Griechische Quellen zur Faustsage / L. Radermacher // *Sitzungsberichte der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse*. — 1927. — Bd. 206. Abt. 4. — 177 s.
12. *Sowers B. P.* Eudocia : The Making of a homeric christian / B. P. Sowers. — Cincinnati : University of Cincinnati, 2008. — 314 p.
13. *Usacheva A.* Agonistic Mimêsis and Genre Bending in Gregory Nazianzen's Orations against Julian the Emperor // S. L. Jónsson, M. Schippers (eds.). *Proceedings of the International Conference on Imitation and Classicism in Hellenic Textual Worlds : Literary Devices and Ethical Implications*, (Studia Aarhusiana Neotestamentica). Vandenhoeck & Ruprecht. Forthcoming in 2018. — Access mode : https://www.academia.edu/36239260/Agonistic_Mimêsis_and_Genre_Bending_in_Gregory_Nazianzens_Orations_against_Julian_the_Emperor.
14. *Witby M.* Writing in Greek : classicism and comilation, interaction and transformation / M. Witby // *Theodosius II : Rethinking the Roman Empire in Late Antiquity* / ed. C. Kelly. — Cambridge : University Press, 2013. — Pp. 195—218.
15. *Zahn T.* Cyprian von Antiochien und die deutsche Faustsage / T. Zahn. — Erlangen : Verlag von Andreas Deichert, 1882. — 156 s.

Genre Nature of Empress Eudocia's Poem “The Martyrdom of St. Cyprian”

© **Aleksandrova Tatyana Lvovna (2018)**, orcid.org/0000-0002-6963-2263, PhD in Philology, Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities (Moscow, Russia), tatianaaalexandrova@yandex.ru.

The article considers the issue of genre nature of the poem “The Martyrdom of St. Cyprian” by Empress Eudocia, the wife of Emperor Theodosius II (V century). It is

noted that this is the only survived example of the Greek life written by hexameter, which from the genre point of view can be considered both as a life and as an epic poem. It is shown that the poem "The Martyrdom of St. Cyprian" is also a paraphrase of the prose version of the martyrdom of Cyprian and Justin, but this is not the only genre originality of the poem. The author proves that it contains elements of aretology, novel, autobiography, agadic Midrash; it also includes hymns. It is noted that in the poem one can see all the signs of "mix of genres," typical for late antique and Byzantine literature. The novelty of the study is that it examines the genre characteristics of the poem for the first time. Special attention is paid to the influence of the epos by Nonnus on the Eudocia's poem, which also contains various genre forms, in particular, hymns, and which also experienced the influence of the ancient novel. The author comes to the conclusion that the features of "mix of genres" while maintaining quite stable genre canons predetermined the further development of Byzantine literature.

Key words: Empress Eudocia; "The Martyrdom of St. Cyprian"; genre; mix of genres; literature of late antiquity; Byzantine literature

Material resources

- Aristotel. 1998. *Etika. Politika. Ritorika. Poetika. Kategorii*. Minsk: Literatura. (In Russ.).
- Evdokiya Avgusta. 2016. O sv. Kipriane. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*, 3 / 2 (47): 93—133. (In Russ.).
- Eudociae Augustae, Procli Lycii, Ludwich, A. (ed.) 1897. *Claudiani carminum graecorum reliquiae*. Leipzig. 11—79. (In Germ.)

References

- Aleksandrova, T. L. 2018a. *Vizantiyskaya imperatritsa Afinaida-Evdokiya: zhizn' i tvorchestvo v kontekste epokhi pravleniya imperatora Feodosiya II (401—450)*. Sankt-Peterburg: Aleteyya. (In Russ.).
- Aleksandrova, T. L. 2018b. Imperatritsa Evdokiya — chitatelnitsa Nonna Panopolitanskogo? *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*, 3 / 55 (2): 9—19. (In Russ.).
- Attridge, H. W. 2002. Genre Bending in the Fourth Gospel. *Journal of Biblical Literature*, 121 (1): 3—21.
- Averintsev, S. S. 1981. Drevnegrecheskaya poetika i mirovaya literatura. In: *Poetika drevnegrecheskoy literatury*. Moskva: Nauka. 3—14. (In Russ.).
- Averintsev, S. S. 1986. Istoricheskaya podvizhnost' kategorii zhanra: opyt periodizatsii. In: *Istoricheskaya poetika. Itogi i perspektivy izucheniya*. Moskva: Nauka. 104—116. (In Russ.).
- Bevegñi, C. 1982. Eudociae Augustae Martyrium S. Cypriani I 1—99. *Prometheus*, 8 (3): 249—262. (In Ital.).
- Frow, J. 2015. *Genre. The new critical idiom*. London-New York: Routledge. (In Engl.).
- Lazek, A. M. 2016. Nonnus and the play of genre. In: Accorinti, D. (ed.). *Brill's Companion to Nonnus of Panopolis*. Leiden-Boston. 402—421.
- Miguélez-Cavero, L. 2016. Nonnus and the novel. In: Accorinti, D. (ed.). *Brill's Companion to Nonnus of Panopolis*. Leiden-Boston. 549—576.

- Radermacher, L. 1927. Griechische Quellen zur Faustsage. *Sitzungsberichte der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse*, 206 (4). (In Germ.).
- Sowers, B. P. 2008. *Eudocia: The Making of a homeric christian*. Cincinnati: University of Cincinnati.
- Usacheva, A. 2018. Agonistic Mimêsis and Genre Bending in Gregory Nazianzen's Orations against Julian the Emperor. In: Jónsson, S. L., Schippers, M. (eds.). *Proceedings of the International Conference on Imitation and Classicism in Hellenic Textual Worlds: Literary Devices and Ethical Implications, (Studia Aarhusiana Neotestamentica)*. Vandenhoeck & Ruprecht. Available at : https://www.academia.edu/36239260/Agonistic_Mimêsis_and_Genre_Bending_in_Gregory_Nazianzens_Orations_against_Julian_the_Emperor.
- Witby, M. 2013. Writing in Greek: classicism and comilation, interaction and transformation. In: Kelly, C. (ed.) *Theodosius II: Rethinking the Roman Empire in Late Antiquity*. Cambridge: University Press. 195—218.
- Zahn, T. 1882. *Cyprian von Antiochien und die deutsche Faustsage*. Erlangen: Verlag von Andreas Deichert. (In Germ.)
- Zakharova, A. V., Torshilov, D. O. 2003. *Globus zvezdnogo neba: poeticheskaya masterskaya Nonna Panopolitanskogo*. Sankt-Peterburg: Aleteyya. (In Russ.).